

для улучшения хорошего, но и для того, чтобы плохое сделать хорошим. И в заключение канцона добавляет: «...так предназначил Движущий светила», то есть Бог, из чего становится понятно, что природа создала такое творение, следуя Божественному предначертанию. И на этом заканчивается весь второй, главный раздел этой канцоны.

IX.

Порядок настоящего толкования – после того как согласно моему намерению два раздела этой канцоны мною уже обсуждены – требует, чтобы я перешел к обсуждению третьего ее раздела, в котором я намереваюсь очистить канцону от одного упрека, могущего, пожалуй, повредить и ей, и тому, что я здесь излагаю. Дело в том, что еще до того, как я приступил к ее сочинению, мне показалось, что благородная дама стала проявлять по отношению ко мне жестокость и презрение; я сложил небольшую баллату, в которой назвал ее надменной и беспощадной, а это как бы противоречит тому, что здесь говорилось выше. И потому я и обращаюсь к канцоне, и, поучая ее, как ей подобает просить извинения, я на самом деле оправдываю и баллату; и здесь я пользуюсь фигурой, именуемой у риториков просопопеей и очень часто употребляемой поэтами, когда они обращаются с речью к вещам неодушевленным. [Начинается этот третий раздел словами]: «Ты говоришь, канцона, мнится мне...» Для того чтобы облегчить понимание данной части, мне придется разбить ее на три подраздела: так, сначала излагается то, что требует извинения; далее приводится само извинение: «...небес вовек не затемниться строю...»; наконец, я обращаюсь к самой канцоне как к лицу, которое я обучаю тому, что оно должно делать: «Ты оправдаешься, не виновата...»

Итак, прежде всего я говорю: «О канцона, отзывающаяся столь хвалебно о благородной даме, ты как будто противоречишь одной из твоих сестер». Я называю баллату «сестрой», подобно тому как называют сестрой женщину, которой жизнь дана тем же родителем; точно так же может человек называть «сестрой» творение, созданное тем же творцом, ибо наше творчество есть в некотором смысле наше порождение. Итак, канцона как будто противоречит своей сестре, и я в связи с этим говорю: «Ты изображаешь даму смиренной, а твоя сестра – гордой или „надменной и беспощадной“, что одно и то же». Выдвинув это обвинение, я в качестве оправдания беру пример, свидетельствующий о том, что истина иногда противоречит видимости, а иногда, при других обстоятельствах, с ней совпадает. Я пишу, что «небес вовек не затемниться строю», то есть что небо всегда ясное; однако порой по той или иной причине можно сказать, что оно темное. При этом надо помнить, что видимы в собственном смысле только цвет и свет, как утверждает Аристотель во второй книге «О душе» и в книге «Об ощущении и ощущаемом». Конечно, видимы и другие определители предметов, но не в собственном смысле, так как их воспринимает не только зрение, но и другое чувство, так что нельзя сказать, что они видимы или осязаемы в собственном смысле; таковы – фигура, величина, количество, движение и неподвижность, которые мы воспринимаем многими чувствами. Но цвет и свет видимы в собственном смысле, ибо мы воспринимаем их только зрением и никаким другим чувством. Эти свойства, видимые как в собственном смысле, так и в общем, – я имею в виду не сами свойства, а их образы – проникают, поскольку они видимы, внутрь глаза через прозрачную среду, словно через стекло, но проникают не в своем подлинном виде, а в том, в каком их задумал Творец. Это прохождение зрительной формы завершается в воде, находящейся в зрачке, поскольку вода эта имеет определенную глубину, подобно зеркалу, которое есть стекло, ограниченное свинцом, и зрительный образ дальше проникнуть не может и останавливается здесь, как мяч, ударившийся в стену; таким образом, форма, которая в прозрачной среде неразличима, кажется в воде отчетливой и завершенной. Вот почему изображение появляется не в любом стекле, а лишь в том, что покрыто свинцом. Зрительное ощущение, поступая из зрачка в переднюю часть мозга, где помещается осязающая способность – источник внешнего проявления чувств, мгновенно воспроизводит полученное изображение, и таким образом мы видим. Вот почему для того, чтобы зрительный образ предмета соответствовал самому предмету, необходимо, чтобы среда, через которую зрительный образ проникает в глаз, была совершенно бесцветна, так же как и вода в зрачке: иначе этот образ принимал бы окраску среды и цвет зрачка. А потому те, кто хотят, чтобы вещи казались в зеркале окрашенными в определенный цвет, вводят этот цвет между стеклом